

социально-психологическую адаптацию, а также оценка субъективного благополучия личности (в контексте аффективных переживаний) в зависимости от принятия или непринятия гендерных стереотипов – основополагающие вопросы, которым и посвящено данное исследование.

Цель – изучить особенности процесса инверсии гендерно-ролевого поведения у мигрантов, обуславливающие специфичность клинико-психологических механизмов, определяющих характеристики трансформации феномена “маскулинность – фемининность” в процессе социальной адаптации.

Задачи:

1. Идентифицировать доминирующие гендерно-ролевые формы поведения у мигрантов.

2. Выделить структуру клинико-психологических механизмов, обуславливающих процесс полоролевой трансформации.

3. Определить специфичность аффективных сдвигов, сопряженных с приверженностью гендерно-ролевым поведенческим стереотипам у респондентов в процессе социальной адаптации.

Материалы и методы исследования. Для решения поставленных задач было исследовано 76 человек в возрасте 22 ± 2 года. Основная группа составила 38 чел., мигрировавших из Кыргызстана в города России и Европы с целью обучения, контрольная группа – 38 студентов, обучающихся в Кыргызстане. Все респонденты были репрезентативны по полу и возрасту.

: опросник С. Бем “маскулинность – фемининность”, стандартизованные шкалы по оценке тревоги Спилбергера – Ханина, депрессии Цунга, Торонтская шкала алекситимии (TAS), опросник Л.Г. Почебут “Тест агрессивности” (модификация опросника Басса – Дарки), включающий показатель социальной адаптированности.

Результаты и обсуждение. В ходе проведенного исследования была идентифицирована трансформация гендерно-ролевого поведения у мигрантов в контексте аффективного компонента и процесса социальной адаптации [таблицы 1–6]

В контрольной группе у лиц мужского пола превалирует маскулинность (91 %), а у лиц женского пола – фемининность (82 %).

В основной группе у респондентов мужского пола превалирует фемининность (73 %), а у респондентов женского – маскулинность (78 %).

В основной группе корреляции между гендерными ролями и каким-либо аффективным компонентом не выявлено. Наблюдалась сильная обратная связь между уровнем алекситимии и агрессивности ($r = -0,663$; $P \leq 0,001$) и уровнем депрессии и алекситимии ($r = -0,430$; $P \leq 0,05$).

В контрольной группе фемининность коррелировалась уровнем тревожности ($r = 0,445$; $P \leq 0,05$), также наблюдалась сильная обратная связь между маскулинностью и тревожностью ($r = -0,578$; $P \leq 0,05$) и фемининностью и агрессией ($r = -0,438$; $P \leq 0,05$).

Таблица 1 – Распределение респондентов по гендерным ролям в контрольной группе

Пол	Маскулинность		Фемининность		Андрогинность	
	кол-во респондентов, n	кол-во респондентов, %	кол-во респондентов, n	кол-во респондентов, %	кол-во респондентов, n	кол-во респондентов, %
М	16	91	2	9	0	0
Ж	2	9	16	82	2	9

Таблица 2 – Распределение респондентов по гендерным ролям в основной группе

Пол	Маскулинность		Фемининность		Андрогинность	
	кол-во респондентов, n	кол-во респондентов, %	кол-во респондентов, n	кол-во респондентов, %	кол-во респондентов, n	кол-во респондентов, %
М	2	10	14	73	3	16
Ж	15	78	4	22	0	0

Таблица 3 – Сравнительные характеристики тревожно-депрессивного компонента, агрессии и алекситимии в контрольной (КГ) и основной (ОГ) группах

Группа	Уровень депрессии по шкале Цунга, $M \pm m$	Уровень тревоги по шкале Спилбергера – Ханина, $M \pm m$		Уровень алекситимии по TAS, $M \pm m$	Уровень агрессивности по опроснику Почебут, $M \pm m$	p
		личностная	ситуативная			
КГ	$52 \pm 1,5$	46 ± 2	$51 \pm 1,9$	55 ± 2	$16 \pm 0,7$	$p \leq 0,05$
ОГ	$45 \pm 1,2$	$39 \pm 1,9$	$42 \pm 1,4$	61 ± 2	$18 \pm 0,9$	$p \leq 0,05$

Таблица 4 – Динамика трансформации гендерно-ролевой идентификации и аффективных сдвигов в зависимости от периода проживания за рубежом

Период проживания (г)	Уровень депрессии по шкале Цунга, М ± m	Уровень тревоги по шкале Спилбергера – Ханина, М ± m		Уровень алекситимии по TAS, М ± m	Уровень агрессивности по опроснику Почебут, М ± m	Степень трансформации, (%)
		личностная	ситуативная			
1–3	49 ± 1,2	41 ± 2,7	45 ± 1,6	64 ± 1,7	16,9 ± 1	70
3–5	40 ± 0,8	35 ± 2,2	39 ± 1,7	56 ± 3,8	19 ± 1,3	100

Таблица 5 – Сравнительные характеристики тревожно-депрессивного компонента, агрессии и алекситимии у лиц с конгруэнтной и трансформированной гендерно-ролевой идентификацией

Респонденты	Уровень депрессии по шкале Цунга, М ± m	Уровень тревоги по шкале Спилбергера – Ханина, М ± m		Уровень алекситимии по TAS, М ± m	Уровень агрессивности по опроснику Почебут, М ± m	p
		личностная	ситуатив-я			
Маскулинные юноши	50 ± 2	44 ± 2	47 ± 2	63 ± 2,8	17 ± 0,8	p≤0,05
Фемининные юноши	45 ± 1	37 ± 1	42 ± 1	65 ± 1,6	17 ± 0,7	p≤0,05
Фемининные девушки	54 ± 2	48 ± 3	55 ± 2	49 ± 1	13 ± 0,4	p≤0,05
Маскулинные девушки	45 ± 3	42 ± 5	42 ± 3	57 ± 5	18 ± 1,8	p≤0,05

Таблица 6 – Сравнительные характеристики тревожно-депрессивного компонента, агрессии и алекситимии у мигрантов с конгруэнтной гендерно-ролевой идентификацией

Респонденты	Уровень депрессии по шкале Цунга, М ± m	Уровень тревоги по шкале Спилбергера – Ханина, М ± m	Уровень алекситимии по TAS, М ± m	Уровень агрессивности по опроснику Почебут, М ± m	p
Маскулинные юноши	44 ± 4,5	39 ± 4,5	60 ± 5,3	20 ± 4	p≤0,05
Фемининные девушки	47 ± 5	47 ± 2,8	58 ± 4	16 ± 5,5	p≤0,05

За период проживания за рубежом от 1 до 3 лет 70 % респондентов имели трансформированную гендерно-ролевую идентификацию, у них наблюдались сравнительно высокие средние показатели депрессивности по шкале Цунга (49 ± 1,2), личностной (41 ± 2,7) и ситуативной (45 ± 1,6) тревожности, алекситимии (64 ± 1,7) и низкий средний уровень агрессивности (16,9 ± 1). У респондентов, проживающих за границей от 3 до 5 лет, отмечались: снижение депрессии (40 ± 0,8), личностной (35 ± 2,2) и ситуативной (39 ± 1,7) тревожности, алекситимии (56 ± 3,8) и нарастание агрессивности (19 ± 1,3).

Уровни депрессии, личностной и ситуативной тревожности у респондентов с трансформированной гендерно-ролевой идентификацией ниже, чем у респондентов контрольной группы. Наиболее высокий средний уровень алекситимии (65 ± 1,6) наблюдается у юношей с преобладающей фемининностью, самый низкий (49 ± 1) – у фемининных де-

вушек. Средний уровень агрессивности у юношей одинаков, независимо от их полоролевой идентификации, а у маскулинных девушек он значительно выше (18 ± 1,8), чем у фемининных (13 ± 0,4).

У мигрантов с конгруэнтной гендерно-ролевой идентификацией наблюдается значительное снижение тревожно-депрессивного аффекта наряду с повышением агрессивности.

Таким образом, в ходе исследования было доказано, что миграция сопровождается гендерно-ролевой трансформацией. Респонденты, обучающиеся на родине, имели конгруэнтные гендерные роли: маскулинные юноши составили 91 %, фемининные девушки – 82 % (см. таблицу 1). В то время, как у юношей-мигрантов преобладала фемининность (73 %), у девушек-мигрантов – маскулиность (78 %) (см. таблицу 2). Трансформация гендерных ролей является следствием процесса миграции, но не его причиной.

Респонденты с инверсией гендерных ролей имели сравнительно низкие показатели депрессии (45 ± 2) у юношей и девушек, низкие средние показатели тревоги (42 ± 2) у юношей и девушек, нежели респонденты контрольной группы ($52 \pm 1,5$) и ($51 \pm 1,9$) соответственно; но маскулинные девушки показали наиболее высокий процент агрессивности ($18 \pm 1,8$), ($P \leq 0,05$). Максимальная среди исследуемых групп алекситимия принадлежала фемининным юношам ($65 \pm 1,6$). Корреляции между гендерной направленностью и аффективными компонентами выявлено не было. Алекситимия отрицательно коррелировала с депрессией и агрессивностью ($r = -0,430$; $P \leq 0,05$) и ($r = -0,663$; $P \leq 0,001$) соответственно (см. таблицу 3).

За период проживания за рубежом от 1 до 3 лет 70 % респондентов имели трансформированную гендерно-ролевую идентификацию, у них наблюдались сравнительно высокие средние показатели депрессии по шкале Цунга ($49 \pm 1,2$), тревожности ($45 \pm 1,6$), алекситимии ($64 \pm 1,7$) и низкий средний уровень агрессивности ($16,9 \pm 1$). У респондентов, проживающих за границей от 3 до 5 лет, отмечались: снижение депрессии ($40 \pm 0,8$), тревожности ($35 \pm 2,2$), алекситимии ($56 \pm 3,8$) и нарастание агрессивности ($19 \pm 1,3$), ($P \leq 0,05$) (см. таблицу 4).

Респонденты с конгруэнтной гендерно-ролевой идентификацией имели повышенные средние показатели депрессии относительно мигрантов, причем среди фемининных девушек показатель депрессии был выше (54 ± 2), чем у маскулинных юношей (50 ± 2). Средний уровень тревожности также оказался выше: 47 ± 2 у маскулинных юношей и 55 ± 2 у фемининных девушек, ($P \leq 0,05$). Фемининность положительно коррелировала с тревожностью ($r = 0,445$; $P \leq 0,05$), а маскулинность – отрицательно ($r = -0,578$; $P \leq 0,05$). Самые низкие средние показатели алекситимии и агрессивности принадлежали фемининным девушкам (49 ± 1) и ($13 \pm 0,4$), ($P \leq 0,05$) соответственно. Между фемининностью и агрессивностью у девушек наблюдалась отрицательная взаимосвязь ($r = -0,438$; $P \leq 0,05$) (см. таблицу 3). Показатель агрессивности у маскулинных и фемининных юношей был одинаков ($17 \pm 0,7$) и корреляции с гендерной идентификацией обнаружено не было (см. таблицу 5).

Среди мигрантов у 10 % юношей доминировала маскулинность. Средний уровень тревожности составлял $39 \pm 4,5$, депрессии, $44 \pm 4,5$, агрессивности 20 ± 4 ($P \leq 0,05$), т. е. наблюдалась низкая выраженность тревожно-депрессивного аффекта и повышенный уровень агрессивности. 22 % фемининных девушек имели следующие показатели: средний уровень тревожности $47 \pm 2,8$, депрессии 47 ± 5 , агрессивности $16 \pm 5,5$ ($P \leq 0,05$) (см. таблицу 6). В данном случае также наблюдалось сни-

жение тревожно-депрессивного аффекта наряду с повышением агрессивности. Повышение уровня агрессивности говорит о снижении тенденции к социальной адаптации. Следовательно, ригидная приверженность “стереотипному” гендерно-ролевому поведению у мигрантов говорит о сужении спектра МПЗ, возможном наличии диссоциального или эмоционально неустойчивого радикала и тенденции к стойкой социальной дезадаптации.

Инверсия гендерных ролей – это закономерный механизм адаптации, возникающий в условиях миграции. Личность, не способная подвергнуть трансформации свои роли в новой этнокультуральной среде, реализует свои потребности посредством деструктивной агрессии, состоящей как из гетеро-, так и аутоагрессивного компонентов.

Литература

1. Миграционная ситуация в Кыргызстане. URL / <http://www.mirpal.org>.
2. Буркало Н.И. Этнокультурные особенности полоролевой идентификации личности в подростковом возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н.И. Буркало. Киев, 2010.
3. Усова Н.В. Социально-психологические факторы субъективного благополучия личности в условиях миграции / Н.В.Усова // Психология, социология и педагогика. 2012. № 9.
4. Ялом И. “Экзистенциальная психотерапия” / Ирвин Д. Ялом; пер. Т.С. Драбкиной М.: “Класс”, 1999. С. 4–5.
5. Фрейд З. “Торможение. Симптом и тревога” / З. Фрейд Психоаналитическая хрестоматия. Классические труды; под ред. М.В. Ромашкевича. М., 2005. С. 15–79.
6. Берн Ш. Гендерная психология: Законы мужского и женского поведения / Ш. Берн; пер. С. Рысва. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. С. 320.
7. Eagly, A.H. and M. Mladnic. Gender Stereotypes and Attitudes Toward Men and Women // Personality and Social Psychology Bulletin 15 (December 1989): 543–58.
8. Condry J., Condry, S. Sex Differences: A study in the Eye of the Beholder Child Development 47 // Myths of Gender, Biological Theories about Women and Men, 1992. P. 150.
9. Jeffrey Z. Rubin, Frank J. Provenzano, Zella Luria. The eye of the beholder: Parents' views on sex of newborns // American Journal of Orthopsychiatry: 512–519. DOI: 10.1111/j.1939–0025. 1974. tb00905.x
10. Hildebrandt, K. Fitzgerald. Facial feature determinants of perceived infant attractiveness // Behavior and Development. 1979. № 2. 329–339.
11. Parsons T. О социальных системах / Т. Parsons. М.: АкадемКнига, 2002. С. 98.
12. Робертсон Р. Введение в юнгианскую психологию / Р. Робертсон. Ростов-н/Д, 1992. С. 6.